

4.2000.

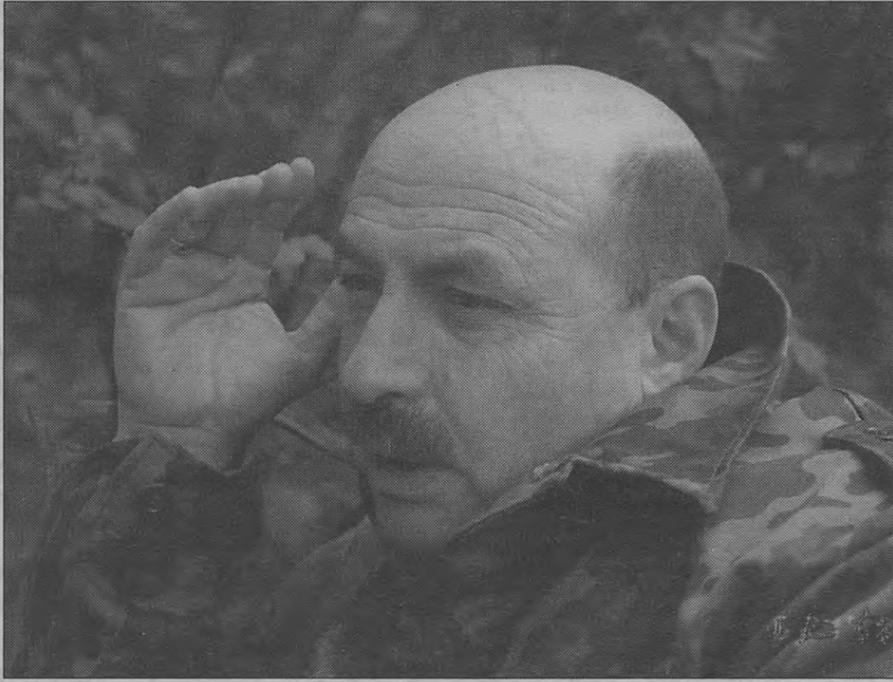
Бородинский Александр

Александр Бородинский:

«Для меня главное – выдумывать»

На «Мосфильме» заканчивается работа над проектом под названием «Чек». Продюсер, бизнесмен Борис Гиллер, автор сценария популярного «Криминального квартета», объединился со сценаристом Александром Бородинским, причастным к появлению таких лент, как «Афоня», «Душа», «Мы из джаза», «Курьер», «Дежа вю», «Маленький гигант большого секса», «Сны» и многим другим.

– Александр Эммануилович, говорят, что в вашем фильме «Чек» – мафиозные разборки, криминальный сюжет, в главных ролях – звезды российской эстрады...

– Очень красиво звучит «звезды российской эстрады»! Интересно, кто же это говорит? На самом деле мы с Борисом Гиллером сняли детский фильм. «Чек» можно пересказать как историю мафиозных разборок, а можно – как историю о трех детях.

– Но это современные дети?

– Да, действие происходит в августе и сентябре 1999 года, время действия совпадает со временем съемок. Да, в фильме есть и мафиози, и звезды эстрады – Николай Фоменко и Николай Расторгуев. Но мы их пригласили не потому, что они популярны (хотя это так), а потому, что они замечательные артисты. Расторгуев, например, очень подходил к своему персонажу, которого мы, сценаристы, еще задумывая сюжет, назвали... Расторгуевым. А деревня, откуда родом этот герой, называется Расторгуево. Роль писалась специально на Николая. Он в жизни соответствует представлению о настоящем мужике – крепком, надежном, сильном.

– Сюжет не скрываете?

– Сюжет не скрываем, просто рассказать его в двух словах сложно. Но попробую. Трое детей, одному из которых нужна сложная операция на сердце, оказываются обладателями чека на пять миллионов долларов – о чем долго не подозревают. Зато об этом очень хорошо осведомлены нехорошие взрослые, в том числе и мафиози. Взрослые пытаются этим чеком завладеть.

– Как сложился ваш творческий союз с Борисом Гиллером?

– Гиллер был продюсером «Американской дочери» по моему сценарию, а я был его преподавателем во ВГИКе.

– Поймите, но ведь на лавры учителя продюсера Гиллера претендовал Сергей Бодров, чью ленту «Кавказский пленник» также продюсировал Борис Гиллер?

– На самом деле его учителем был профессор Илья Вениаминович Вайсфельд, наш – мой и Гиллера – общий мастер во ВГИКе, а в те времена, когда Борис учился у Вайсфельда на заочном, мы с Бодровым были подмастерьями на его курсе. С тех пор мы с Борисом дружим. Когда-то я привел студента-заочника Гиллера на «Мосфильм», где в студии «Курьер» был заключен договор по его заявке, так сказать, дебют в кинематографе. Спустя время, эта заявка превратилась в фильм «Шкура» по идее Бориса Гиллера. А уже после «Американской дочери» и до «Чек» мы вдвоем написали еще один сценарий – «Дорога в Диснейленд». Гиллер давно работает над этим сценарием как продюсер, сейчас идут серьезные переговоры с канадцами, я даю бог, в ближайшее время этот проект будет реализован.

– Для вас это первая режиссерская работа?

– Для Гиллера «Чек» – дебют в режиссуре. А я уже во второй раз стал «режиссером пополам». Первый опыт – фильм «Сны», там в титрах два режиссера и два сценариста, Бородинский и Шахназаров. Я, впрочем, тогда в режиссуру не рвался. Это Шахназаров настоял: у нас было два готовых сценария – «Сны» и «Американская дочь». Второй фильм продюсировал один швейцарец (это было еще до того, как Гиллер пришел на этот проект), поэтому Карен решил, что «Сны» должен поставить я, а он – «Американскую дочь». А уже потом, когда контракт со швейцарским продюсером «накрылся», мы оба стали режиссерами «Снов».

– А как скоро зрители увидят новый фильм прославленного дуэта Бородинский-Шахназаров?

– Сейчас Шахназаров занят. Он руководит концерном «Мосфильм» и, по-моему, делает это успешно. Поэтому кино, к сожалению, не снимает, времени нет, хотя хотел бы вернуться. Но возвращение произойдет совсем скоро. У нас есть общий сценарий «Яды, или Всемирная история отравлений», и с нового года Шахназаров приступил к подготовке к съемкам фильма по этому сценарию.

– Нет ли у вас у самого желания, вслед за коллегами, попробовать себя в продюсерстве?

– Мне бы это было интересно. Но для того, чтобы быть продюсером, надо уметь искать деньги. Когда деньги дает Госкино, то все-таки ты не продюсер, просто получаешь право командовать на

данной картине. Сделать проект от начала до конца, найти идею, сценарий, заинтересовать актера, получить под него деньги и вернуть их – это реальная работа продюсера. Вот Гиллер такой продюсер, он рискует. Насколько мне известно, так работает Сергей Сельянов, вероятно, Валера Тодоровский. Я, признаюсь, не вполне владею информацией. В общем-то, я, как это ни покажется странным, человек, достаточно оторванный от кинематографической среды.

– То есть, вы человек не светский?

– В принципе – не чужд, но скорее всего нет, не светский. Я не сноб, просто у меня в жизни есть другие интересы. А когда по состоянию здоровья начал «пить умеренно», то обнаружил, что, скажем, хождения на приемы и презентации дело скучнейшее.

Бывает, не любишь какие-то вещи, а потому их избегаешь. Например, я не читаю рецензии на свои фильмы, не только ругательные, но и хвалебные. Мне неприятно, когда меня хвалят. Хотя, со стороны, подобное отношение может показаться... Ну, некоторым идиотизмом, что ли.

– А как вы отнеслись к премии «Ника», которую получили за фильм «День полнолуния»? Сценарий, написанный вами в содружестве с Кареном Шахназаровым, был признан лучшим в 1998 году.

– Нормально. Мог бы сказать, что никак: сейчас, в моем возрасте, как-то поздно радоваться признанию и призам. Но меня поразило, сколько людям было приятно за меня. Как говаривал Фрунзик Мкртчян: «Им приятно, и мне приятно». Звонили из других городов, поздравляли. Я телевизор не смотрю лет шесть, поэтому подобная реакция на собственное появление в телевизоре в качестве лауреата для меня оказалась приятной неожиданностью.

– Телевизор не смотрите, в свете не бываете. Как же вы тогда общаетесь с действительностью и ищите сюжеты?

– Я не очень-то верю, что действительность – в телевизоре. Да вот она где – за окном. Беда многих пишущих людей в том, что когда они начинают писать профессионально, действительности уже не видят. Поэтому я стараюсь общаться не только с деятелями искусства или, как теперь говорят, шоу-бизнеса, но и с обычными людьми. Вот сейчас, например, у меня дома ремонт, и я общаюсь с нормальными людьми – со строителями, которых все только ругают. А я люблю, когда дома ремонт, потому что по первой своей профессии я маляр-штукатур.

Если честно, я терпеть не могу писать. Для меня главное – придумывать. Благодаря своей профессии я прожил массу других жизней. Каждый раз, делая что-то сверх чистого профессионального умения, – когда недорабатываю чужой материал, а придумываю сам – становлюсь своим героем. Думаю, говорю, как собственный герой. Наверное, поэтому среди придуманных мною историй нет женских, нет героинь. Не могу представить себя женщиной, может быть, поэтому они для меня так непонятны и прекрасны.

Кстати, у меня есть теория, даже не теория, а убежденность, уверенность в том, что сценарий – тоже жизнь. Она существует вне нас, в параллельном мире, но существует.

– Похожие идеи высказывал Даниил Андреев. Он полагал, что персонаж, созданный с должной мерой авторской одаренности, «запечатлевается» в эфирных слоях, а потом возвращается в наш, физический мир.

– Возвращается... Я считаю, что все это уже существует и живет. Убежден на 1000 процентов, и даже в свое время изложил эти свои размышления о психологии творчества в журнале «Киносценарии». Моя роль тут очень своеобразна. Я всего лишь передатчик. Иногда я слышу некие помехи – значит, что-то не так. А когда все «слышится» нормально и я правильно передаю, то сценарий будет интересным. Для меня главный критерий – интересно ли зрителю. Другое дело, как это написать.

Я человек вполне рациональный и к кокетству не склонный. Поэтому признаю, что за некоторые замыслы я брался из-за денег или по каким-то другим причинам и тогда просчитывал результат. Как правило, ничего не получалось. Подчас подобные хорошо просчитанные варианты просто не доходили до экрана. Сценарий нельзя вытащить из небытия. Однако и так, чтобы все из жизни, – редко бывает.

– А мне кажется, что ваши фильмы всегда были связаны с жизнью и именно поэтому имели успех. Отсюда и возник интерес к «мафиозному» сюжету нового фильма, который вас, по-моему, немного обидел. Похоже, у вас в последнее время пошла волна криминальных историй. В «Днях полнолуния» была очень запоминающаяся сцена – убийство киллера. А потом появился фильм «Ворошиловский стрелок», к его сценарию вы также приложили руку.

– Что касается «Дней полнолуния»... У меня и крепче – с этой точки зрения –

в свое время были сюжеты. Мой тесть смотрел фильм «Город Зеро», как чистой воды криминальную картину. «Город Зеро» – это настоящее кино! И не потому, что я его написал. Если отвлечься от того «как» это сделано и посмотреть, «что»... При желании я могу рассказать вам «Город Зеро», как сюжет из криминальной хроники.

Сам я очень люблю детективы и всю жизнь мечтаю написать детектив.

– А не возникает желания принять участие в сугубо коммерческом проекте, написать сценарий, который покориет всех поклонников криминального чтива?

– Да, есть же у меня сценарий «Против всех», написанный совместно с режиссером Всеволодом Плоткиным, экранизация повести известной своими детективами Татьяны Поляковой. Только августовский дефолт помешал компании «НТВ-Профит» осуществить этот проект. Так что «криминальное чтиво», любимую многими и мной в том числе Полякову, я экранизировал.

«Ворошиловский стрелок» – тоже экранизация, фильм сделан по повести Виктора Пронина «Женщина по средам» о чем, к сожалению, не все, наверное, знают. А ведь многие вещи, которые кажутся спорными, были уже в этой повести. Когда Станислав Говорухин предложил мне прочесть «Женщину...», меня захватила эмоциональная сторона этой вещи. Не политическая – эмоциональная. В свое время меня также сильно взволновала книга Владимира Богомолова «Август 44-го», могу вспомнить еще одну книгу, повесть «Обет молчания», над ее экранизацией я тоже работал. Очень разные книги, но одинаково сильно захватывающие читателя. «Женщина по средам» – вещь из того же ряда. Когда меня спросили, занимался ли я в данном случае политикой, я твердо сказал: «Нет». А потом подумал, что кино в такой же степени связано с политикой, как и вся наша жизнь. Если мой герой – прокурор, следователь или милиционер, то, описывая его, я уже занимаюсь политикой. Точно так же, кто-то может решить, что картина «Чек» – политическая картина.

– Вы производите впечатление успешного человека.

– Так только кажется. В кино я пришел в 29 лет, по первой профессии – строитель. После первого фильма, «Афоня», года четыре у меня не принимали ни один сценарий, а я жил в Москве без прописки, снимал комнату вместе с женой и маленьким сыном. Был момент, когда я собирался вернуться домой, в Воркуту, просто потому, что в бытовом отношении было сложно. Внешне да, я вполне благополучен. Лауреат Государственной премии, секретарь Союза, по моим сценариям поставлено более тридцати картин. Наверное, со стороны я смотрюсь эдаким бронзовым памятником. Но я сам себя так не воспринимаю. А трудности нашего ремесла, то, что называют «страхом белого листа», – это не выдумки. Каждый раз, когда я принимаю за новый сценарий, убеждаю себя: ты написал тридцать – тридцать первый ты точно напишешь.

– Сейчас вы уже сами ведете мастерскую во ВГИКе. Как вы прогнозируете судьбу в кинематографе своих сегодняшних учеников, их поколения? Создадут ли они свои тридцать картин?

– Я надеюсь, что все будет. Уж не знаю от кого – от природы, родителей или от бога, – но я оптимист. Либо мы улетим вместе со всей страной в тар-тарары, либо с кинематографом все будет в порядке. А секрет любого успеха прост – надо работать.

Беседовала Анастасия МАШКОВА

Экран и сцена